

**ДОКТОР БУЛАВИН И ЕГО ДОЧЕРИ:
ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ФАМИЛИЯ ГЕРОЕВ
ТРИЛОГИИ А.Н. ТОЛСТОГО «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»?**

**DOCTOR BULAVIN AND HIS DAUGHTERS:
WHAT DID THE LAST NAME OF THE CHARACTERS
OF THE TRILOGY “THE ROAD TO CALVARY” BY A.N. TOLSTOY COME FROM?**

© 2021

М.А. Перепёлкин

М.А. Perepelkin

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-412-630003

В статье выдвигается гипотеза о происхождении фамилии Булавины в трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам». Своего рода прототипом, «подарившим» героям эту фамилию, по мнению автора статьи, была самарская учительница и поэтесса Е.А. Буланина, олицетворявшая для автора трилогии Самару рубежа XIX–XX веков, круг его родителей и «странную девушку» со своей «историей», – все это и явилось основанием для заимствования у Елены Буланиной ее фамилии, с небольшим изменением ставшей фамилией персонажей трилогии. В статье приводятся известные факты биографии Е.А. Буланиной, отмечаются сомнительные места, называются новые источники.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; «Хождение по мукам»; Самара; герои; прототипы; Е.А. Буланина; биография.

The article puts forward a hypothesis about the origin of the name “Bulavins” in the trilogy of A.N. Tolstoy. According to the author of the article, the kind of prototype that presented the heroes of the trilogy with this name was the Samara’s teacher and poetess E. Bulanina, who embodied Samara from the 19th-20th centuries, the circle of the writer’s parents and the “strange girl” with her “history”, – all these aspects led to borrowing the last name from Elena Bulanina with a slight change in the spelling. The article summarizes the well-known facts from the biography of E. Bulanina, detects dubious places, provides new sources.

Keywords: A.N. Tolstoy; “The Road to Calvary”; Samara; characters; prototypes; E. Bulanina; biography.

Читатели толстовской трилогии «Хождение по мукам» прекрасно знают фамилию Булавины, которую носят главные героини Катя и Даша и их отец – самарский врач, а затем министр здравоохранения Самарского правительства Дмитрий Степанович Булавин. Как появилась эта фамилия в романе? Можно ли считать ее случайной, или за ней стоит что-то, без учета и понимания чего читатель трилогии упускает какие-то существенные моменты?

Как нам представляется, и появление этой фамилии на страницах трилогии, и те контексты, которые актуализировала эта фамилия в памяти А.Н. Толстого, восходят к тому кругу, в котором когда-то существовала семья будущего писателя – его мать, отчим и отчасти он сам. Для того, чтобы стало ясно, о каких контекстах идет речь,

необходимо перенестись в Самару конца XIX – начала XX веков.

В 1890–1900-х годах у читающих самарцев было на слуху имя Елены Алексеевны Буланиной – поэта, прозаика и переводчика, родственницы композитора А.П. Бородина, учительницы одной из местных гимназий. Это имя можно было достаточно часто встретить и на страницах выходившей в городе «Самарской газеты», где публиковались стихи и рассказы за ее подписью, и на страницах столичных изданий, анонсировавших выход в 1901 году поэтического сборника Е. Буланиной «Раздумье» или писавших об уже вышедшем сборнике [1, с. 73].

Впоследствии имя Е.А. Буланиной в силу разных причин оказалось на многие годы забыто, и только начиная с 1980-х годов стали появляться небольшие статьи о ней [2, с. 305–306 ; 3 ; 4 ; 5, с. 38–40], чаще всего изобилующие неточностями и от-

кровенными ошибками, касающимися года рождения, года и места смерти, образования, степени родственных отношений с Бородиным и т.д., а также – очевидными лакунами. То же касается и архивных документов [См., напр.: 6]. Надо заметить, что «виновницей» многих из этих ошибок и лакун была сама Е.А. Буланина, на протяжении всей своей жизни творчески перерабатывавшая свою биографию, которую писала, в том числе, и для деловых целей.

В качестве примера приведем только один документ – формулярный список Е.А. Буланиной, сохранившийся в делах Самарской 3-й женской гимназии [6], в которой Буланина служила вплоть до 1906 года, то есть до переезда из Самары в Москву.

«Творческая переработка» списка начинается уже с его заглавия: «Формулярный список о службе учительницы истории и русского языка Самарской женской гимназии А.С. Межак, жены чиновника (последние два слова зачеркнуты, над ними вписано «вдовы потомственного дворянина»); однако эти слова тоже зачеркнуты, и вместо них вставлено «домашней учительницы») Елены Алексеевны Буланиной, урожденной Протопоповой (последние два слова зачеркнуты).

Список датирован 20 сентября 1902 года (эта дата зачеркнута, над ней проставлена другая – 11 сентября 1906 года). Далее значится следующее: «Учительница русского языка и географии (последнее слово не дописано и зачеркнуто) и истории – домашняя учительница (последние два слова вписаны сверху) Елена Алексеевна Буланина (урожденная Протопопова), 36 лет от роду, родилась 20 мая 1866 года, православного вероисповедания. Жалованья получает за урок по 40 рублей × 16 уроков русского языка и истории, итого 640 рублей, и по должности классной надзирательницы 160 рублей, а всего 800 рублей» (все зачеркнуто и вписано «по должности надзирательницы 300 рублей и по 40 рублей за 10 уроков, всего 700 рублей»).

В графе «Положение» первоначально внесенная в 1902 году строчка «жена чиновника» позже была зачеркнута и взята в скобки, а над ней появилась другая – «вдова потомственного дворянина». Но и эта за-

пись была исправлена – на «дочь чиновника», а зачеркнутая прежняя запись сделана вновь карандашом и дополнена – «вдова потомственного дворянина, который на службе не состоял по болезни». В графе «Есть ли имение у нее самой и у родителей, у мужа, буде за мужем»: «Нет и не было». В графе об образовании: «По окончании образования в московской второй женской гимназии с одобрительным аттестатом об успехах в науках и поведении 12 сентября 1897 года (дата зачеркнута) и вследствие поданного ею прошения о желании вступить в звание домашней учительницы и наставника высочайше утвержденного в 9 день января 1862 года Положения о женских гимназиях дозволено принять на себя звание домашней учительницы с правом преподавать русский язык и словесность, французский и немецкий языки, педагогику, историю, географию, математику и естествознание со всеми выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званию, в чем и выдано ей свидетельство от управляющего Московским учебным округом от 12 сентября 1897 года за № 19377». В графе «Служба»: «Предписаниями господина попечителя управляющего Казанского учебного округа от 16 сентября 1902 года за №№ 9016 и 9013 назначена учительницей русского языка во 2, 3 и 4 классах и истории в 3 и 4 классах в Самарскую женскую гимназию, учрежденную А.С. Межак, с поручением обязанностей классной надзирательницы». В графе «Девушка или замужняя»: «находится в замужестве» – зачеркнуто, вписано карандашом – «вдова потомственного дворянина», «детей не имеет».

В этом же деле имеются еще несколько документов, в том числе – отношения из канцелярии самарского губернатора от 21 октября 1902 года и от 8 января 1903 года, адресованные на имя начальницы гимназии А.С. Межак. В первом из них начальницу гимназии запрашивают, на какие именно должности «во вверенную ей гимназию» поступают педагоги Буланина, Малинина, Любownikова и некоторые другие, а во втором сообщается, что, «как оказалось по собран-

ным сведениям», Е.А. Буланина «ни в чем предосудительном замечена не была и к дознаниям политического характера не привлекалась».

Разумеется, многие из отмеченных выше зачеркиваний и исправлений были вызваны переменами в жизни и ничего особенного в них нет. Многие, но – не все.

Например, приведенное дело не проясняет, а напротив, затемняет ситуацию с датой рождения: если Е.А. Буланина в самом деле родилась в 1866 году, выходит, что аттестат об окончании гимназии она получила в возрасте 31 года? Нигде в приведенном деле не говорится и о курсе романо-германской филологии в Сорбонне, который она якобы прослушала или окончила, как утверждают некоторые источники [3, с. 340]. Весьма странной представляется и ситуация с замужеством, которое то ли было, то ли не было, но если и было, то началось и завершилось так молниеносно, что никто ничего не смог понять и запомнить, во всяком случае, имя мужа в деле не называется, а его происхождение и статус варьируются от «чиновника» до «потомственного дворянина».

Далеко не все проясняют и другие документы, переданные в Куйбышевский музей М. Горького после смерти Е.А. Буланиной и ныне хранящиеся в его архиве. Среди этих документов автобиография Буланиной, ее воспоминания об А.П. Бородине и о М. Горьком, встречах с ним в Самаре и ряд других документов, в которых содержатся сведения, противоречащие друг другу и делающие ее биографию еще более запутанной.

Так, в сохранившейся в архиве Буланиной машинописи автобиографии, датированной 14 мая 1941 года, ею названа следующая дата рождения: 21 мая (3 июня) 1876 года [7]. В воспоминаниях о М. Горьком Буланина сообщила, что приехала в Самару в 1890-х годах «совсем юной, полной сил и стремлений к труду» [8]. Если придерживаться даты рождения 1876 год, то «совсем юной» будет означать семнадцать лет, если же даты 1866 год – двадцать семь. Кстати, на фотографии, сделанной в 1895 году и хранящей-

ся в фондах Самарского литературного музея, где кроме поэтессы сняты другие сотрудники «Самарской газеты», ей никак не более двадцати лет. В воспоминаниях Буланиной об А.П. Бородине находим такую фразу: «Мне было лет 10, когда умер Бородин» [9]. Композитора не стало в начале 1887 года, когда его племяннице, в самом деле, было неполных десять лет. Общение с Бородиным оставило яркий след в памяти племянницы, сохранившей и пронесшей через десятилетия мельчайшие детали их встреч. Учитывая это, вряд ли можно согласиться с тем, что в какой-то момент Буланина забыла, что в год дядиной смерти она была не маленькой девочкой, а уже взрослой двадцатилетней барышней.

Таким образом, скорее всего, Буланина родилась все же не в 1866, а в 1876 году. Что заставило ее скрывать свой настоящий возраст при переоформлении служебных документов? По приезду в Самару Буланина, по всей видимости, не имея соответствующего разрешения для работы в гимназии, в течение двух лет преподавала в народной школе, о чем позже она сообщила в своей автобиографии, прибавив к этому фразу: «...хотела продолжать, но получила разрешение» [7]. Получила или узнала, что ее хлопоты о соответствующем разрешении вот-вот достигнут цели и, заручившись поддержкой, обратилась к А.С. Межак с просьбой о приеме ее на службу в гимназию? Скорее всего, начальница гимназии пошла навстречу просьбам родственников своей будущей сотрудницы, согласившись принять на службу человека, не имеющего даже диплома домашней учительницы (он пришел годом позже). Не исключено, что на это благожелательное решение начальницы мог оказать влияние брат Буланиной С.А. Протопопов, служивший в этой же гимназии в должности преподавателя словесности и исполнявший обязанности секретаря педагогического совета.

Во всяком случае, известно, что не позднее 1896 года Буланину приняли на службу в должности преподавательницы русского языка и истории в частное учебное

заведение 1 разряда, шесть лет спустя получившее статус женской гимназии № 3. Таким образом, педагогическая деятельность поэтессы в частном учебном заведении А.С. Межак началась в 1896 году, когда юной учительнице было не больше двадцати лет. Только год спустя она получила, наконец, дозволение принять на себя звание домашней учительницы с правом преподавать целый ряд предметов – начиная с русского языка и заканчивая естествознанием. В этом звании она и будет служить сначала в училище, а затем в гимназии А.С. Межак-Хованской вплоть до 1906 года, то есть до самого отъезда из Самары. Возможно, что именно с обстоятельствами приема на службу была связана та странная и малообъяснимая автобиографическая игра, которую вела Буланина, стремившаяся изо всех сил сбить с толку гимназическое или окружное начальство, изменяя некоторые даты своей биографии в послужном списке. Заметим, что в бюрократической чехарде рубежа веков отмечались и не такие неувязки. Прошла и скромная авантюра Буланиной, ничего не укравшей, а напротив, приплюсовавшей к своему возрасту десять лет, добавивших ей солидности, опыта и романтического флера.

Довольно легко разрешимым представляется и вопрос о степени родства Буланиной с композитором А.П. Бородиным. Несмотря на то, что антология «Сто одна поэтесса Серебряного века» утверждает, что сестра ее матери была замужем за композитором А.П. Бородиным [5], это не соответствует истине. В любых воспоминаниях современников о Бородине можно найти хотя бы несколько слов и о его жене – Екатерине Сергеевне Протопоповой, которая была родной сестрой отца поэтессы – Алексея Сергеевича. Образ этой женщины ярко воспроизведен Н. Берберовой в документальной повести «Бородин»: «Катерина Сергеевна влюбила его и женила на себе, и обычно, когда они расставались, она, всегда ревнивая и беспокойная, не говорила ему: “Я боюсь, что ты увлечешься, я боюсь, что ты мне изменишь”, она говорила: “Я боюсь, что начнутся атаки”» [10, с. 26]. Общение

с мужем тетки произвело на будущую поэтессу неизгладимое впечатление, настолько сильное, что много лет спустя после смерти композитора в памяти Буланиной вновь вставали мгновения их встреч, о которых она эмоционально и восторженно рассказывала в мемуарах.

Труднее ответить на вопрос о времени переезда Буланиной в Самару и о том, что заставило ее, молодую барышню, перебраться из Москвы в провинцию. Сама Буланина в воспоминаниях о М. Горьком обмолвилась лишь о том, что приехала в Самару в 1890-х годах. Документально установлено, что в 1896 году началась ее служба в училище А.С. Межак. До этого в течение двух лет Буланина якобы преподавала в народной школе. Таким образом, путем нехитрых арифметических подсчетов получаем 1894 год, не позднее которого Буланина уже переехала из Москвы в Заволжье.

Но и эта дата вызывает сомнения, так как первые публикации Буланиной в «Самарской газете» датированы 1893 годом, когда увидело свет ее стихотворение «На заре», наделавшее переполоха в цензурном комитете. Можно было бы предположить, что еще до приезда в Самару Буланина присылала свои стихи для публикации в местной печати, но такое предположение вряд ли справедливо. Тем более, что в воспоминаниях о Горьком поэтесса говорит о том, что она вначале приехала в Самару, а потом решила отнести в редакцию свои литературные опыты, которые были благожелательно приняты секретарем.

Итак, перед нами семнадцатилетняя девушка, окончившая в Москве гимназию, но не получившая разрешения вести преподавательскую деятельность и приехавшая не позднее 1893 года из Москвы в Самару. Зачем? По словам самой поэтессы, она переехала в Самару к родным. Скорее всего, ее переезд был связан с переводом по службе ее отца – коллежского советника Алексея Сергеевича Протопопова, занимавшего в Самаре должность производителя работ по устройству казенных оброчных статей. Здесь же служил и ее дядя, надворный советник Сер-

гей Сергеевич Протопопов, участковый надзиратель по акцизу с сахара (позже он был переведен из Самары в Бузулук). Таким образом, положение Протопоповых в Самаре нельзя назвать шатким, что заставляет усомниться в некоторых фактах, на которые указывает сама Буланина в автобиографии, написанной, правда, уже в советские годы. В автобиографии поэтессы упомянула о материальных затруднениях семьи, вынудивших ее, начиная с пятнадцати лет, давать уроки [7]. Жалуясь в автобиографии на бедность отца, Буланина, скорее всего, надеялась смягчить гнев «гегемона революции», которому могли оказаться не по вкусу ее дворянское происхождение и принадлежность к «классу поработителей».

Еще одной причиной, заставившей Буланину перебраться из столицы в завожское захолустье, могла стать личная драма. Об этой драме почти ничего не известно, кроме того, что шестнадцатилетняя девушка вышла замуж за некоего «не служащего по болезни» дворянина и, рано овдовев, никогда уже не пыталась вновь устроить свою судьбу. Никаких воспоминаний или свидетельств об этом эпизоде ее жизни не сохранилось. Между тем повторяющийся в стихотворениях мотив «любви к мертвому» заставляет думать, что это событие не прошло для поэтессы бесследно.

Кем был муж Буланиной, когда они поженились и как долго просуществовал этот брак – ни на один из этих вопросов сегодня ответов нет. Фамилию «Буланины» нам удалось встретить только однажды – на страницах воспоминаний В.А. Гиляровского, где он пишет о некой Н.В. Разнатовской, урожденной Буланиной [11, с. 132]. Имеет ли эта Буланина какое-либо отношение к мужу поэтессы, сказать трудно. Единственным аргументом «за» может быть факт знакомства Буланиной с мемуаристом В.А. Гиляровским, которому поэтесса посвятила два стихотворения, вошедшие в поэтический сборник «Раздумье». В свою очередь «дядя Гиляй», как называли В.А. Гиляровского знакомые, неоднократно упомина-

ет имя нашей героини на страницах своих очерков «Москва газетная» [12].

Можно с уверенностью утверждать только одно: брак Е.А. Протопоповой с неким Буланиным состоялся до 1893 года, так как первая известная публикация поэтессы в «Самарской газете» уже была подписана фамилией мужа. Из формулярного списка преподавательницы Буланиной известно, что ее муж был чиновником и потомственным дворянином, но не служил «по болезни». Запись о семейном положении в формулярном списке поэтессы, как мы уже видели, неоднократно корректировалась.

По приезду в Самару Буланина некоторое время, по-видимому, жила с родителями. Ее отец занимал довольно солидную должность, но спустя несколько лет после приезда дочери он умер. Когда именно – не известно. В автобиографии поэтессы написала: «...он вскоре умер». Однако факты свидетельствуют о том, что это случилось не раньше, чем в 1898 году, так как, во-первых, в мемуарах о М. Горьком Буланина вспоминает о его встречах с отцом в 1895–1896 годах, и, во-вторых, имя А.С. Протопопова упоминается в адрес-календаре на 1899 год.

О матери поэтессы Екатерине Алексеевне Протопоповой известно только, что она жила вместе с дочерью после их возвращения в Москву в 1906 году. Квартира, которую снимали Буланина и ее матушка в Москве, находилась на Страстном бульваре в доме князя Горчакова. Московский адрес Буланиной встречается в ее рукописях и в письме, адресованном начальнице самарской гимназии А.С. Межак-Хованской из Москвы и датированном 1916 годом [6]. В письме содержится просьба о выправке документов, подтверждающих службу Е. Буланиной в гимназии А.С. Межак. В конце письма поэтесса передает привет от матушки, которая, по всей видимости, знала директрису и, судя по характеру приписки, даже была с ней в дружеских отношениях.

В Самаре, как уже было сказано, жил и старший брат поэтессы С.А. Протопопов, скорее всего, как и сестра, приехавший

в Самару в начале 1890-х годов из Москвы, где он получил образование, дававшее ему право заниматься преподавательской деятельностью. В Самаре, как мы отмечали, С.А. Протопопов также служил в гимназии А.С. Межак, совмещая преподавание словесности с обязанностями секретаря педагогического совета. Его педагогическая деятельность продолжалась до начала 1905 года, когда он подал прошение об отставке, «опасаясь могущего быть нервного переутомления» [13]. После этого следы С. Протопопова теряются: любопытно, что его имя ни разу не упомянуто в довольно-таки пространным письме его сестры, написанном в 1916 году и адресованном начальнице гимназии, где они оба служили. И это притом, что в свое время Буланину связывали с братом теплые дружеские отношения и творческая близость, свидетельством которой может послужить хотя бы посвященное ему стихотворение, вошедшее в сборник поэтессы «Раздумье» («Преданье говорит: жил древний Амфион...»). В мае 1896 года на страницах «Самарской газеты» были опубликованы два стихотворения С. Протопопова, оба посвященные некой А.Н. Д-ой и выдержанные в традициях любовной лирики, где «слезы» являются неизменным спутником «грез», а «кровь» сочится, как только речь заходит о «любви».

Живя в Самаре, Буланина активно сотрудничала с «Самарской газетой», на страницах которой публиковала рассказы и стихотворения. Не ослабевали и ее связи с московской творческой интеллигенцией, завязавшиеся, судя по всему, еще до переезда в провинцию. В 1901 году, в разгар самарского периода жизни Буланиной, в Москве увидел свет сборник ее стихотворений «Раздумье». О многом говорит тот факт, что В.А. Гиляровский упомянул ее имя среди авторов газеты «Курьер» и журнала «Детское чтение» [12, с. 195, 200]. Былая на вечерах, устраиваемых этими изданиями, поэтесса могла встречаться на них с И.А. Бунинным, его братом Юлием, К.Д. Бальмонтом, В.Я. Брюсовым и со мно-

гими другими «столпами» современной ей литературы.

Отъезд поэтессы из Самары, по-видимому, был связан с несколькими обстоятельствами, в частности, с закрытием в 1906 году «Самарской газеты». Простившись с Самарой, Буланина вернулась в Москву, где еще некоторое время занималась педагогической деятельностью, потом служила в издательстве «Никитинские субботники», публиковалась в «Семье» и в «Русском слове». Скрываясь от вихря исторических событий, начавшегося в 1917 году, поэтесса скромно доживала свой век в бывшем доме князя Горчакова, не единожды перестроенном и поделенном на коммунальные квартиры. Там она и скончалась в нищете и забвении незадолго до завершения войны, в 1944 году.

С юных лет привыкшая к литературному труду, Буланина до последних дней своей жизни продолжала работать над воспоминаниями, писала стихи, прозу, популярные исторические очерки. Скорее всего, ничего из написанного ею после революции никогда не было, да и не могло быть опубликовано, так как, несмотря на многочисленные попытки овладения языком новой эпохи, поэтесса так и не сумела заставить свою тихую музу облечься в фартук строителя светлого будущего. Нам удалось обнаружить только две «советские» публикации Буланиной, обе – в альманахе «Литературная Мордовия» за 1940 год. Одна из них – небольшая новелла «Рассказ Рауля Гай», сентиментальная повесть о небольшом эпизоде войны в Испании [14]. Вторая – мемуарный эскиз о М. Горьком в Самаре [15]. Какие обстоятельства личной жизни престарелой поэтессы подтолкнули ее к сотрудничеству с альманахом, издававшимся в Саранске? Случайность это или стремление скрыться от бдительного недремлющего ока, заставившее на время уехать из Москвы и перебиваться редкими литературными заработками? Увы, на некоторые вопросы, по всей видимости, сегодня уже не найти ответа.

А теперь вернемся к А.Н. Толстому и его героям. На чем, собственно, основано наше предположение о том, что фамилия учительницы и поэтессы Елены Буланиной отозвалась в героях «Хождения по мукам» – докторе Булавине и его близких?

Такие основания есть, и их – несколько.

Первое. Будущий автор «Хождения по мукам», с детства знакомый с именем Буланиной и с ее творчеством, на протяжении многих лет встречал это имя на страницах той же самой «Самарской газеты», где публиковались и произведения его матери А.Л. Толстой. Больше того, именно ее стихи, чаще всего публиковавшиеся в этой газете, скорее всего, были первыми стихами, с которыми встречался Толстой, некоторое время находившийся в уверенности, что это и есть современная поэзия, которой он будет подражать, став подростком («Лет с 15–16 я начал писать стишки. Плохие стишки» [16, с. 79]).

Второе. В семье будущего писателя, скорее всего, не раз и не два говорили не только о стихах Буланиной, но и о ней самой, обращая внимание на те биографические странности, о которых шла речь выше, а в 1894 году в вышедшую в Самаре первую небольшую книжечку Е. Буланиной [17] вошла и сказка «Странная девушка», принадлежавшая перу матери А.Н. Толстого. По всей видимости, включение этой сказки в книгу Буланиной не было простой случайностью: Буланина и сама была в некотором роде «странной девушкой», судьба и характер которой, возможно, вдохновил его мать на создание этой «сказки».

Наконец, третье. Квартира, где жила Буланина в Самаре, была, по словам Е. Киселевой, одним из тех мест, куда часто заглядывали и пишущие самарцы, и те из

столичных писателей и актеров, кто оказывался в Самаре проездом или во время гастролей [18]. Например, в одном из писем к В.А. Гиляровскому Буланина рассказывала о вечере пианиста и скрипача Казимира Богуславского, оказавшегося в Самаре проездом и тоже заглянувшего к ней «на огонек». «Вечер очень удался», – резюмировала поэтесса [18, с. 63]. К этому остается добавить, что арендовала Е.А. Буланина квартиру ... в доме отчима будущего писателя А.А. Бострома [4].

Все это значит, что вокруг имени Елены Буланиной в сознании юного А. Толстого существовал целый комплекс мифологем: поэтесса, занесенная судьбой из Москвы в провинцию; родственница известного композитора; «странная девушка», хранящая верность неизвестному покойному супругу; хозяйка салона, в котором бывают столичные знаменитости, близкие к миру литературы и музыки; наконец, единомышленница и «соратница» матери по литературному цеху, а также – прототип одной из ее героинь.

Отсюда вытекает следующая гипотеза: вначале соотнесенная с матерью и ее миром, миром провинциальной писательницы, Е.А. Буланина, в конечном счете, «заменила» ее, сделалась своего рода псевдонимом и А.Л. Толстой, и мира ее идеалов, надежд, увлечений, разочарований и т.д. Таким образом, назвав доктора Булавиным, Толстой актуализировал его связь с кругом общения и с миром своих родителей – А.Л. Толстой и А.А. Бострома, оставленными им при переезде в 1901 году в Петербург аналогично тому, как оставили свой детский и юношеский мир Катя и Даша Булавины, переехавшие в столицу и только изредка навещающие живущего в Самаре отца.

* * *

1. Русское богатство. 1902. № 1.
2. Песни русских поэтов. В 2 т. Т. 2. Л. : Советский писатель, 1988. 624 с.
3. Белодубровский Е.Б. Буланина Елена Алексеевна // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. Т. 1. А – Г. М. : Советская энциклопедия, 1989. С. 340–341.
4. А.М. (Мартиновская А.). Буланина Елена Алексеевна // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии А – Д. Самара : Самарский Дом печати, 1994. С. 172.
5. Сто одна поэтесса Серебряного века : антология. СПб. : Деан, 2000. 238 с.
6. ЦГАСО. Фонд 161. Опись 1. Дело 790.
7. Буланина Е. Автобиография. Машинопись. Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького (далее – СЛМ). КП-22562.
8. Буланина Е.А. М. Горький в Самаре. Рукопись. СЛМ. КП-1048/1.
9. Буланина Е.А. П. Бородин. Рукопись. СЛМ. КП-78/3.
10. Берберова Н. Бородин. М. : Директ Медиа, 2017. 60 с.
11. Гиляровский В. Мои скитания // Гиляровский В. Собрание сочинений. В 2 т. Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1964. Т. 1. С. 125–310.
12. Гиляровский В. Москва газетная // Гиляровский В. Собрание сочинений. В 3 т. М. : Московский рабочий, 1961. Т. 2. С. 15–284.
13. ЦГАСО. Фонд 161. Опись 1. Дело 822.
14. Буланина Е. Рассказ Рауля Гай // Литературная Мордовия. 1940. № 2. С. 40–47.
15. Буланина Е. Мои встречи с М. Горьким. Воспоминания // Литературная Мордовия. 1940. № 1. С. 92–100.
16. Толстой А. К молодым писателям // Литературная Мордовия. 1940. № 2. С. 79.
17. Буланина Е. Стихотворения. Самара, 1894. (Упоминания об этой книге встречаются в различных источниках (см., напр.: Оклянский Ю.М. Шумное захоластье. Из жизни двух писателей. Изд. 3-е. Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1982. Ю.М. Оклянский ошибочно называет Е.А. Буланину Е.А. Булавиной. – см.: С. 244; прим. авт.), но вот подержать в руках саму книгу нам пока не удалось.)
18. Киселева Е. Гиляровский на Волге. Ярославль : Кн. изд-во, 1962. 94 с.